

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.358.372>**КОНЬ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ¹**

©2024 г. Я.Е. Анзулис, Е.В. Асташенкова

В работе на основании широкого круга археологических данных (костных остатков, артефактов, изобразительных источников) рассматриваются роль и значение лошади в материальной и духовной культуре средневекового населения Приморья. Авторы приходят к выводу, что, сформировавшееся на основе летописных данных мнение о существенной доле коневодства в системе жизнеобеспечения носителей мохэской культуры в Приморском крае в период VI–VII вв. не находит на сегодняшний день археологического подтверждения. В хозяйственной жизни бохайского населения лошадь играла важную роль, прежде всего, выполняя функции тяглового и транспортного животного, являясь предметом меновой торговли и дани, основой бохайского войска. Это отражено в значительном количестве прямых и косвенных данных, и соотносится с письменными источниками. Но столь значимое место в быту и хозяйстве, которое занимала лошадь, не находит широкого отражения в декоративном и изобразительном искусстве бохайцев, в погребальном обряде, в представлениях и верованиях, не связанных с официальной религиозной доктриной. Несмотря на объективные сложности со сбором археозоологических коллекций на памятниках Восточного Ся и незначительного пока количества их специального изучения, косвенные данные свидетельствуют о широком использовании лошади в быту и военном деле чжурчжэней. Культура их испытала существенное влияние кочевого мира, государственность сложилась довольно поздно. Вероятно, поэтому образ всадника, появившийся в регионе на рубеже 7-8 вв., в искусстве чжурчжэней Приморья нач. 13 в. получил свое развитие, а изображения коня украшают отдельные предметы быта и элементы поясной гарнитуры.

Ключевые слова: археология, Приморье, средневековье, мохэ, Бохай (698-926), Цзинь (1115-1234), Восточное Ся (1215-1233), хозяйство, искусство.

HORSE IN THE CULTURE OF THE MEDIEVAL POPULATION OF PRIMORYE²

Ya.E. Anzulis, E.V. Astashenkova

The article examines the role and importance of the horse in the material and spiritual culture of the early medieval population of Primorye on the basis of a wide range of archaeological data (bone remains, artifacts, pictorial sources). The authors conclude that the insight formed on the basis of chronicle data about the significant share of horse breeding in the life support system of the carriers of the Mohe culture in Primorye during the VI–VII centuries does not find archaeological confirmation today. Horses played an important role in the economic life of the Balhae population, primarily served as a draught and transport animal, they also were a subject of barter and tribute, the basis of the Balhae army. This is reflected in a significant amount of direct and indirect data, and correlates with written sources. But such a significant place in everyday life and economy, which was occupied by a horse, is not widely reflected in decorative and fine arts, funeral rite of the Balhae people, in ideas and beliefs unrelated to the official religious doctrine. Despite the difficulties with gathering archaeozoological artifacts on the sites of Eastern Xia and the small amount of special study so far, indirect data indicate the widespread use of horses in everyday life and military affairs of the Jurchen people. Their culture was significantly influenced by the nomadic world, and statehood was formed quite late. Probably, that is why the image of a horseman, which appeared in the region at the turn of the VII–VIII centuries, was developed in the art of the Jurchen of Primorye region at the beginning of the XIII century, and images of a horse decorate individual household items and elements of a belt set.

Keywords: archaeology, Primorye, early Middle Ages, Mohe, Balhae (698-926), Jin (1115-1234), Eastern Xia (1215-1233), economy, art.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока».

² The work was financially supported by the RSF (РФФ) grant 20-18-00081 "Archaeology of the Far East".

В настоящее время на территории Приморского края Дальнего Востока археологически исследованы памятники, оставленные носителями мохэской культуры, бохайским и чжурчжэньским населением, относящиеся к периоду VI – нач. XIII вв. Широкий круг археологических данных позволяет обратиться к вопросу о роли лошади в материальной и духовной культуре населения средневекового Приморья. Накопленные к настоящему времени материалы (археологии и археозоологии) позволяют нам оценить значение лошади в хозяйственной жизни населения, выяснить в какой степени оно нашло отражение в духовной культуре и искусстве, соотнести полученные данные с известными фактами из письменных источников.

В сферу хозяйственных интересов населения Приморского края лошадь попадает в период раннего железного века. Единичные находки костей и зубов этого животного известны на поселениях янковской и кроуновской культур (Андреева и др., 1986, с.158; Окладников, Бродянский, 1968, с.208), в жилищах польцевской культурной общности, например, на сопке Булочка (III в. до н.э. – V–VI вв. н.э.) (Деревянко, Медведев, 2008, с.27). В эпоху раннего средневековья на мохэских памятниках VI – начала VIII вв. в Приморье зубы лошади найдены в жилищах поселения Куркуниха-3 (Ермаков, 1991, с.13) и Новоселищенского городища (Ханкайский район) (Анзулис, 2022, с.62). По количеству найденных костных останков этого животного выделяется городище Синельниково-1, расположенное в юго-западном Приморье на правом берегу р. Раздольная¹. Археологические материалы памятника позволяют связывать период его функционирования с VII в.н.э. (Итоги..., 2018, с. 360). Костные останки животных обнаружены в заполнениях жилищ и в хозяйственных ямах рядом с ними. Количество костей животных может быть связано с локальной ситуацией на памятнике, но может отражать и тенденцию в хозяйственной жизни населения.

О роли коня в жизни мохэцев известно из письменных источников. «Вэй шу» сообщает, что мохэ «в начале периода Тай хэ (477 г.) снова преподнесли дань лошадьми в количестве пятисот голов...» (по: Шавкунов, 1968, с. 36,38). В конфликте Тан и Когурё в конце VI - первой половине VII вв. мохэская конница,

численность которой составляла от 50 до 100 тыс. наездников, не раз наносила ощутимый удар китайским войскам (Шавкунов, 1968, с. 42, 43; Государство Бохай, 1994 с. 30). Археологических артефактов, которые свидетельствовали бы об использовании коня в хозяйстве и военном деле, на приморских мохэских памятниках на сегодняшний день не обнаружено.

Основываясь на данных летописей, Э.В. Шавкунов отмечает, что во время погребения мохэсцы, убивают лошадь (Шавкунов, 1968, с.33). На территории Приморья исследовано несколько мохэских могильников: Лузановский V-X вв н.э. (Семин, Коломиец, 2011, с. 248), Чернятино-5 (VII–IX вв.) (Чжун Сук-Бэ, Никитин, 2008, с. 246–247), Монастырка-3 (IX–XI вв.) (Дьякова, 1998, с.163). Лишь в единичных погребениях могильника Чернятино-5 (всего исследовано 157 могил) найдены костные остатки, которые определены как зубы лошади (Никитин, Чжун Сук Бэ, 2005, с.50,65,98), также обнаружены отдельные предметы, имеющие, возможно, отношение к конской сбруе – подпружные (?) пружки, обломки железных колец для соединения ремней, единична находка железной псалии (Никитин, Чжун Сук Бэ, 2005, с.102). Поэтому оценить роль коня в погребальном обряде мохэ, живших на территории Приморья мы не можем. У мохэ, населявших Приамурье, наблюдается иная ситуация. Если в Найфельдском могильнике, время функционирования которого приходится на V–VI вв. н.э. детали конского снаряжения встретились в 7 могилах из 96 (Деревянко и др., 1999), то с VII в. захоронения с деталями конской амуниции или же с костями лошади становятся характерной чертой троицкой культуры мохэ Приамурья. В абсолютном большинстве могил Троицкого могильника (Деревянко, 1977), присутствовали кости, либо зубы лошади, детали конской амуниции. Исследователь памятника, Е.И. Деревянко указывает на большое сходство деталей конской сбруи из Троицкого могильника с материалами центральноазиатских степей (Деревянко, 1977, с.141).

Образование государства Бохай (698–926 гг.), которое включало и территорию современного Приморского края, повлекло значительные изменения в жизни населения, вошедшего в его состав. Кости лошади присутствуют во всех остеологических коллекциях археоло-

гических памятников этой эпохи в Приморье. По соотношению костных остатков домашних животных лошадей находится, как правило, на третьем или четвертом месте (в зависимости от памятника) после свиньи, коровы и собаки (Омелько и др., с. 166, табл.2). В пищевом рационе конина не являлась основной частью белковой диеты бохайцев (хотя и занимала значительную ее часть), употреблялось преимущественно мясо взрослых и старых особей, которые были непригодны для эксплуатации в хозяйстве (Панасенко, Гельман, 2009, с. 201; Прокопец и др., 2021; Омелько и др., 2020, с. 168). Анализ имеющихся данных из бохайских памятников, расположенных на территории КНР, демонстрируют ту же картину (Стоякин, 2020, с. 183). Лошадь использовалась населением, прежде всего, в качестве тягловой силы и в военном деле (Государство Бохай 1994, с. 97; Панасенко, Гельман, 2009, с. 201; Гельман, 2018; с. 172; Города..., 2018, с. 263). Об этом же свидетельствуют находки металлических и костяных элементов конской упряжи (уздечные кольца, подпружные пряжки, наременные накладки и обоймицы, стремена, ледоходные шипы, псалии и др.) найденные на многих бохайских памятниках. Также среди бохайской аристократии популярностью пользовалась игра в верховое поло, которая, наряду с состязанием в верховой стрельбе из лука, являлась своего рода военной тренировкой (Государство Бохай, 1994, с. 97), именно поэтому, после завоевания Бохая кидани ввели запрет на нее.

Лошадь была предметом меновой торговли и дани. Известно, что среди товаров, которыми славились отдельные районы Бохая, упоминались и лошади из области Шуайбинь – одной из административных единиц Бохая, расположенной на территории Ханкайско-Уссурийской равнины (Государство Бохай, 1994, с. 468). Ян Сюцюань отмечает, что еще мохэсцы выращивали породу лошадей, для которой характерны короткие ноги и небольшое плотное тело, что удобно и для лесной зоны, и для болотистой местности. Впоследствии эта порода, известная как шуайбиньская, стала популярным товаром бохайцев (Ян Сюцюань, 1997, с. 54). Лошадей поставляли в Тан, а позже в качестве дани киданям (Государство Бохай, 1994, с. 97).

Говорить о существенной роли коня в погребальном ритуале бохайцев преждевре-

менно. В уже упомянутом нами могильнике Чернятино 5, который продолжал функционировать и в бохайское время, находки костных остатков лошади единичны. Также малочисленны кости и зубы животного, обнаруженные при исследовании могильников на территории КНР – Людиньшань и Эрдаохэцзы (провинция Цзилинь, уезд Дунхуа), Дунцин (провинция Цзилинь, уезд Аньту) (Стоякин, 2020, с. 178). В могильнике Хунцзуньюйчан (провинция Хэйлуцзян, уезд Нинъань), расположенном недалеко от Верхней столицы Бохая, зубы лошади обнаружены в 27 погребениях из 30 содержащих костные остатки животных, всего же на памятнике раскопано более 300 могил (Нинъань..., 2009, с. 603). То есть, если животных и использовали в погребально-ритуальной практике, что случалось нечасто, то преимущественно это были лошади (Стоякин, 2020, с. 182).

В период XII-первой трети XIII вв. территория Приморья попадает в сферу влияния чжурчженей. Наиболее представительные остеологические коллекции получены при исследовании памятников, относящихся ко времени существования государства Восточное Ся (1215–1233). К сожалению, не все материалы пригодны для определения, и не все костные остатки стали предметом специального изучения (Алексеева, Шавкунов, 1983; Алексеева и др., 1996; Хорев, 2012; Васильева, 2013, с.57 и др.), тем не менее, данные по Шайгинскому и Ананьевскому городищам свидетельствуют о доминирующей роли крупного рогатого скота и лошади в хозяйственной жизни населения (Алексеева, Шавкунов 1983, с. 71; Хорев 2012, с. 52). Кости принадлежали взрослым особям, очевидно, пускавшимися на убой после их использования по прямому назначению (военное дело, гужевой транспорт, сельскохозяйственные работы) (Алексеева, Шавкунов 1983, с. 76). Летописные источники подтверждают особое отношение чжурчженей к этим животным: в 1125 году был введен запрет на использование коня в погребальном обряде (Янь Цзинцюань, 1990), а в 1167 году Ши-цзун повелел прекратить забой коней, поскольку они были нужны для военных целей (Воробьев, 1983, с. 59). Специально обученные лошади были задействованы в игре в поло, в которую разрешалось играть три раза в месяц личному составу цзиньского войска, чтобы привыкать к военному

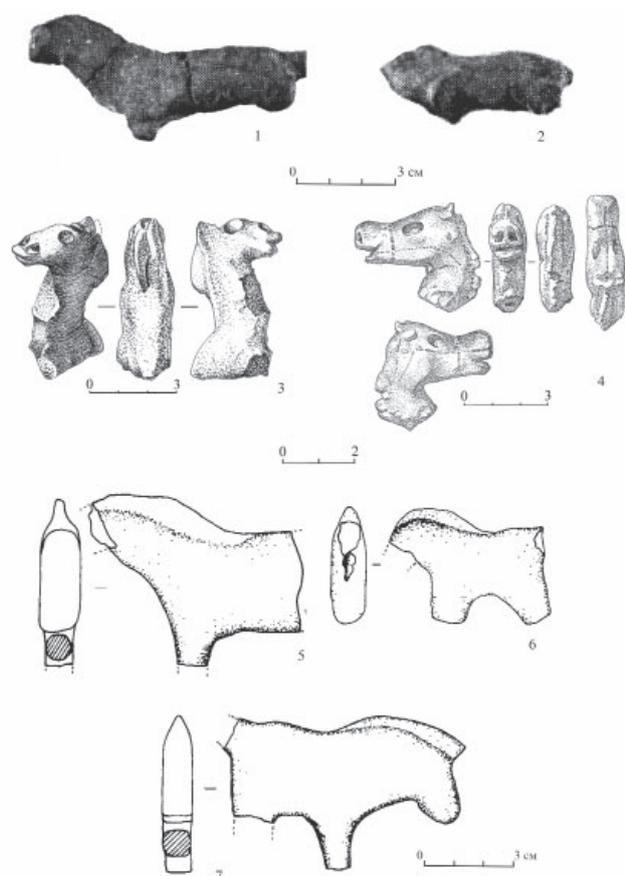

Рис. 1. Керамические фигурки лошадей: 1, 2 – керамические фигурки, поселение Осиновка (по: Окладников, Деревянко, 1973, с.323); 3 – поселение Чернятино-2; 4 – Краскинское городище; 5-7 – поселение Сяодиин (по: Цзинь Тайшунь и др., 2003, с.42).

Fig. 1. Ceramic figurines of horses: 1, 2 – ceramic figurines, Osinovka settlement (after Okladnikov, Derevianko, 1973, p. 323); 3 – settlement Chernyatino-2; 4 – Kraskinskoye hillfort; 5-7 – Xiaoding settlement (according to Jin Taishun et al., 2003, p. 42).

сомнений не вызывают. На Краскинском городище найдена миниатюрная керамическая голова лошади (рис. 1: 4), а на поселении Чернятино 2 в бохайском жилище глиняная частично сохранившаяся фигурка этого животного (рис. 1: 3). Обе скульптурки обнаруживают некоторое стилистическое сходство в оформлении глаз, ноздрей. При относительно небрежной манере исполнения образы хорошо узнаваемы. На морде животного из Краскинского городища обозначена уздечка, а в основании шеи имеется углубление для насаживания. Предположительно, изделия выполняли функцию детских игрушек (в жилище Чернятино 2 найдена миниатюрная керамическая копия чугунного котла, которая вполне может составить с зооморфной фигуркой детский набор). Стоит отметить, что на поселении Сяодиин, расположенном в верхнем течении р. Суйфун (уезд Дуннин, КНР) найдены керамические фрагментированные фигурки коней (рис. 1: 5-7) (Стойкин, 2020, с.178). Схематизм и условность изображений в данном случае не влияют на узнаваемость образа.

делу (Воробьев, 1983, с. 113). На приморских городищах Восточного Ся обнаружены многочисленные находки удила и их деталей, элементов сбруи (пряжек, распределителей ремней, накладок), стремян. А вот материал из двух исследованных на сегодняшний день чжурчжэньских могильников очень скудный и судить об использовании во время погребального обряда коня не позволяет (Болдин, Ивлиев, 1993; Артемьева, 2018).

Изображения коня в искусстве средневекового населения Приморья

В декоративно-прикладном искусстве мохэского и бохайского населения изображения коня (лошади) встречаются в качестве самостоятельных фигурок и в виде всадников.

Керамические изделия

В Приморье первые керамические фигурки лошадей связывают с мохэской культурой. На поселении Осиновка найдены зооморфные миниатюрные глиняные изделия, которые исследователи трактуют как изображение лошадей (рис. 1: 1, 2) (Окладников, Деревянко, 1973, с.310). Манера исполнения данных артефактов крайне условная, что не позволяет нам однозначно согласиться с этим мнением. Фигурки из бохайских памятников таких

Бронзовые всадники

В настоящее время известно несколько бронзовых изделий в виде всадников на конях. В Приморье металлические фигурки коней со всадниками известны из позднего комплекса поселения Синие Скалы, датированного VIII–IX вв. (рис. 2: 3, 4) (Андреева, 1970, с.120-121). Одну фигурку связывают с Южно-Уссурийским городищем (рис. 2: 5) (Шавкунов, 1994, с. 192). Еще два объемных изображения найдены при исследовании могильника Чернятино-5 (рис. 2: 1, 2) (Никитин и др. 2007, с. 226, 233). Фигурки выполнены в условно-схематической манере – кони имеют удлиненное тело, короткие ноги, вытянутую шею либо с обозначенной зубчиками гривой, либо вовсе без нее, в некоторых

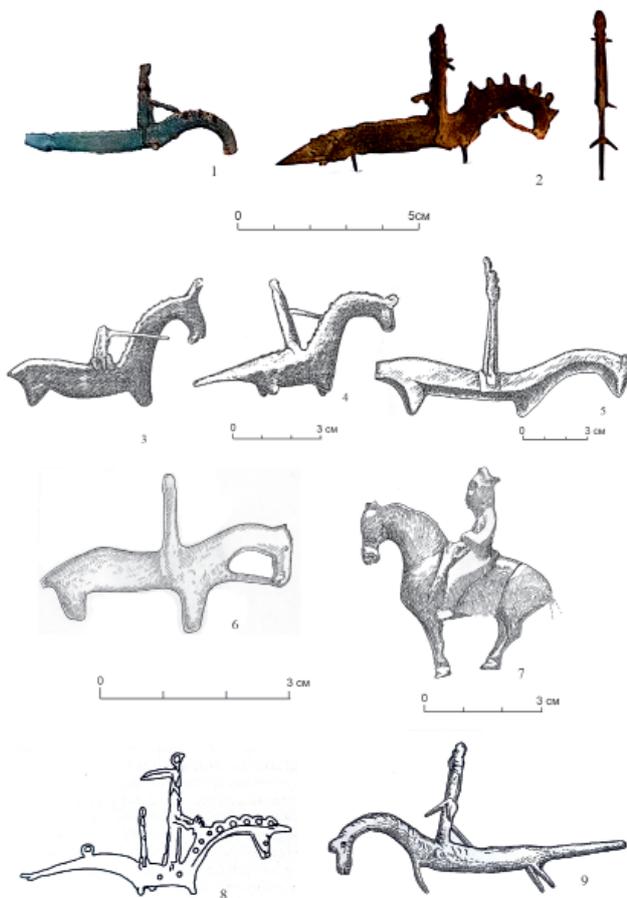

Рис. 2. Бронзовые фигурки всадников: 1-2 – могильник Чернятино-5 (по: Бохайские древности..., 2013); 3, 4 – поселение Синие Скалы (по: Андреева, 1970); 5 – Южно-Уссурийское городище (по: Шавкунов, 1994); 6, 7 – Верхняя столица Бохая (по: Tung-Cheng Report, 1939). 8 – Янтунь (по: Ван Пэйсинь, 2002); 9 – городище Туаньцзе (по: Янь Сюцюань, 1997).

Fig. 2. Bronze figures of horsemen: 1-2 – Chernyatino-5 burial ground (according to Balhae antiquities..., 2013); 3, 4 – Siniye Skaly settlement (after Andreeva, 1970); 5 – South-Ussurian hillfort (after Shavkunov, 1994); 6, 7 – Upper capital of Balhae (according to Tung-Cheng Report, 1939); 8 – Yantun (according to Wang Peixin, 2002); 9 – Tuanjie ancient settlement (according to: Yan Xiuquan, 1997).

всех бохайских фигурок – условно-схематично, вторая – объемная – в традициях танской керамической скульптуры. Случайный характер имеет находка бронзового миниатюрного всадника из деревни Цзянсицунь (провинция Хэйлунцзян, волость Ляньхуа) (Ян Сюцюань, 1997, с.54).

Изображения у чжурчжэней

На памятниках начала XIII века изображения лошадей представлены металлическими фигурками всадников, декоративными элементами пояса и бытовых изделий.

Металлические изделия

Фигурки коней с наездниками найдены Шайгинском и Ананьевском городищах (Государство Бохай, 1994; Хорев, Галактионов, 2003). На Шайгинском изделия отлиты из бронзы, они полностью или частично объемные. Их иконография в целом тождественна бохайским – вытянутые тела, изогнутые шеи, короткие хвосты, более условно-схематичная манера изображения человека по сравнению с животным (рис. 3: 1-3, 5). Всадники Ананьевского городища (3 экз.) изготовлены из чугуна техникой литья в земляную форму (рис. 5: 1) (Хорев, Галактионов, 2003, с.356-357). Фигурки уплощенные. Изображение коней профильное, наездник в верхней своей части развернут так, словно одной рукой держится за холку коня, а второй за круп. Изделие имеет отверстие в районе головы человека.

Из Шайгинского и Ананьевского городищ известны бронзовые предметы декоративно-прикладного искусства, в оформлении которых использован образ лошади. В виде этого животного выполнена объемная бронзовая подвеска (рис. 3: 4), несколько

случаях имеются обозначенные рот, глаза и уши животного. Хвост или совсем короткий, словно обрезанный, или тонкий сужающийся к концу вытянут в одну линию с телом коня. Всадник представлен в виде столбика. Иногда его изображение дополнено некоторыми деталями, такими как руки, элементы одежды (головной убор, халат), оружие (меч), уздечка, которая соединяет наездника с конем.

На памятниках бохайского времени в КНР тоже встречаются подобные изделия. Так, бронзовая фигурка коня с двумя наездниками найдена в могильнике Янтунь (Дахаймэн) (рис. 2:8) (уезд Юнцзи, провинция Цзилинь)² (Ван Пэйсинь, 2002, с.160). Фигурка всадника обнаружена в верхнем слое памятника Туаньцзе (уезд Дуннин, провинция Хэйлунцзян) в зольнике, датированном исследователем бохайским временем (рис. 2: 9) (Ян Сюцюань, 1997, с. 54). В подъемном материале городища Дунцзинчен (остатки Верхней столицы Бохая – Лунцюаньфу) есть две миниатюрные скульптурки бронзовых всадников, различающиеся между собой по стилю и иконографии (рис. 2:6,7) (Tung-Ghing-Ch'eng Report, 1939:1, tabl. CXIX). Одна выполнена в манере

Рис. 3. Бронзовые фигурки лошадей и всадников: 1, 2, 3 – Шайгинское городище (по: Гусева, 1989); 4, 5 – Шайгинское городище (по: Чжурчжэньские древности, 2013).

Fig. 3. Bronze figurines of horses and horsemen: 1, 2, 3 – Shaiga hillfort (after Guseva, 1989); 4, 5 – Shaiga hillfort (according to Jurchen antiquities..., 2013).

(провинция Хэйлунцзян, КНР) (рис. 4: 1). Но исследователи этого многослойного памятника не выделяют на нем горизонта, связанного с цзиньским периодом и относят изделие к мохэскому времени (Хэкоу и Чжэньсин..., 2001). Таким образом, мы имеем дело либо с ошибочной культурной атрибуцией артефакта, либо с тем фактом, что подобный иконографический стандарт в среде средневековых народов Приморья появился значительно раньше XIII века.

Глиняных фигурок коней у чжурчжэней Приморья пока не обнаружено. Есть графические изображения, нанесенные на стенки керамических сосудов, среди которых исследователи выделяют и рисунки коней (рис. 5: 2, 3) (Гусева, 1989, с.125; Шавкунов, 1990, с. 152). Можно по-разному относиться к пред-

плечиковых весов-безменов с зооморфными навершиями на одном из своих окончаний (рис. 4: 5-7). К поясному набору, вероятно, стоит отнести бронзовые бляхи (накладки) и подвесное украшение, представляющие собой профильное плоскостное изображение четырех конских голов, развернутых попарно в противоположные стороны от четырехугольной основы (рис. 4: 2-4). Несмотря на отличия, проявляющиеся в форме изделий, их декоре, системе крепежа, иконографически они представляют единую традицию. Обращает на себя внимание стилистическое сходство изображений этих головок коней с навершиями безменов. В аналогичной чжурчжэньским накладкам манере выполнено украшение из поселения Чжэньсин

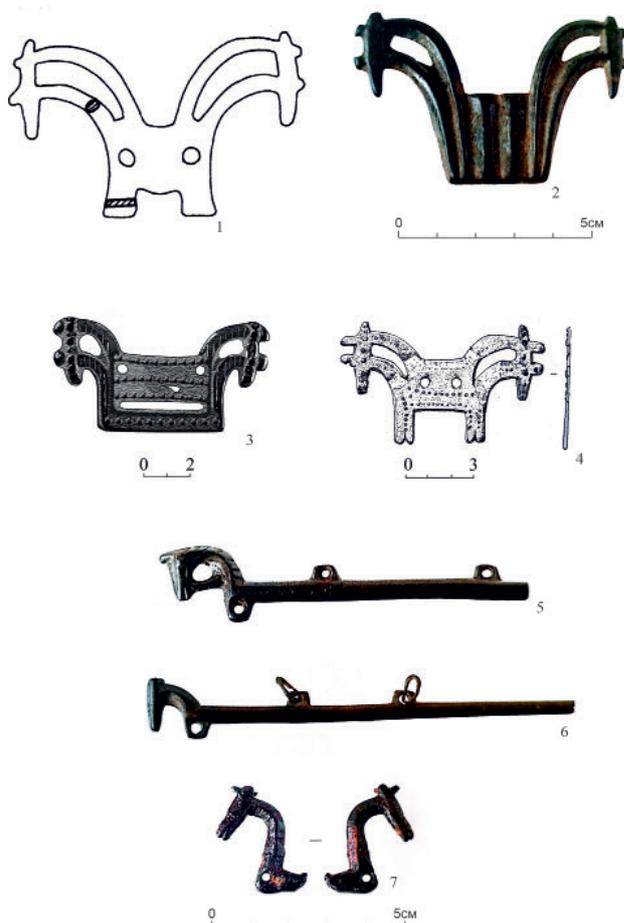

Рис. 4. Бронзовые фигурки лошадей: 1 – накладка, поселение Чжэньсин (по: Отчет о раскопках водохранилища...2001, с. 128); 2, 3 – фигурки лошадей, Шайгинское городище (по: Чжурчжэньские древности..., 2013); 4 – накладка, Ананьевское городище (по: Хорев, Галактионов, 2003); 5, 6 – коромысла безменов с головой лошади; 7 – голова лошади (по: Чжурчжэньские древности..., 2013).

Fig. 4. Bronze figurines of horses: 1 – plate, Zhenxing settlement (according to Report on excavations of the reservoir... 2001, p. 128); 2, 3 – horse figurines, Shaiga hillfort (according to Jurchen antiquities..., 2013); 4 – plate, Ananyevka hillfort (after Khorev, Galaktionov, 2003); 5, 6 – steelyard beams with a horse head; 7 – horse head (according to Jurchen antiquities..., 2013).

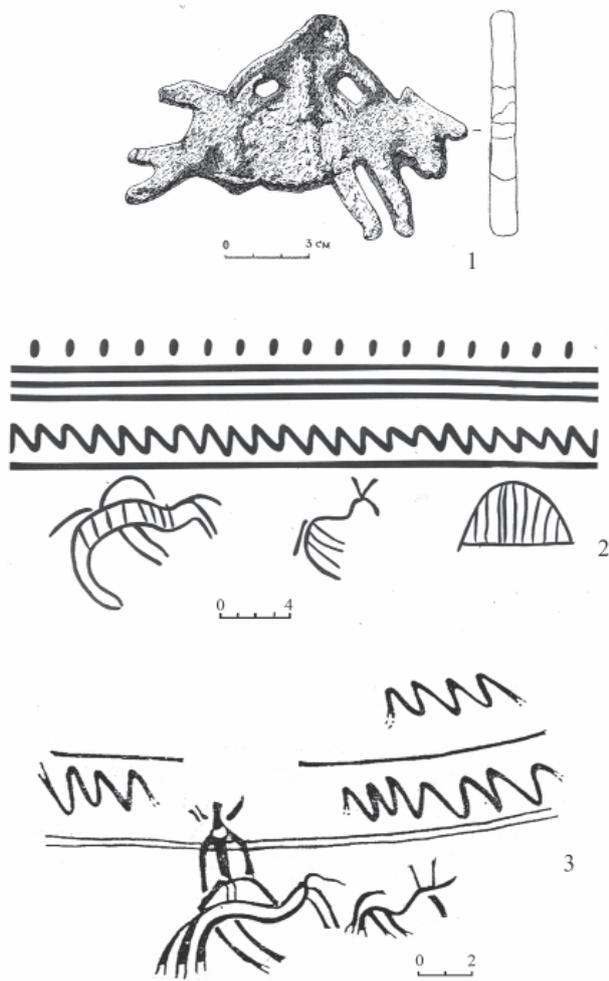

Рис. 5. Фигурки и рисунки лошадей и всадников:

1 – чугунная фигурка всадника (по: Хорев, Галактионов, 2003); 2 – рисунок на круговом сосуде, Шайгинское городище (по: Артемьева, 2021); 3 – рисунок на круговом сосуде, Ананьевское городище (по: Гусева, 1989).

Fig. 5. Figurines and drawings of horses and riders: 1 – cast iron figurine of a horseman (after Khorev, Galaktionov, 2003); 2 – pattern on a vessel, Shaiga hillfort (after Artemyeva, 2021); 3 – pattern on a vessel, Ananyevka hillfort (after Guseva, 1989).

ложенной ими интерпретации, но нельзя не отметить, что иконография всадника на сосуде из Ананьевского городища очень похожа на манеру исполнения чугунных наездников этого же памятника (рис. 5: 1).

Итак, несомненным фактом остается тот, что в культуре тунгусо-маньчжурских народов Приморья в период VI–XIII вв. лошадь играла значимую роль, и в первую очередь являлась тягловым, транспортным животным и незаменимым помощником человека в военном деле. Тунгусский мир таежных охотников находился в непосредственной близости от мира кочевников-скотоводов. Согласно «Цзю тан шу», земли, на которых проживали мохэ, на западе граничили с тюрками, на юге – с Гаоли, а на севере с шивэй (цит. По: Ивлиев, 2005, с.450). Весьма велико было взаимное культурное влияние и экономические связи с киданями, в «Суй шу» даже говорится о сходстве обычаев киданей и мохэсцев (по: Крадин, Ивлиев, 2014, с. 21). Но при том, что конница у мохэ играла важную роль, на что указывают письменные источники, обращает внимание

незначительное количество костей лошади в мохэских памятниках Приморья. Однозначно объяснить этот факт плохой естественной сохранностью костного материала нельзя. Почвы нашего региона действительно отличаются высокой влагоемкостью и кислотностью среды. Но, на бохайских памятниках кости домашних и диких животных, птиц, рыб, морских млекопитающих и т.д., а также костяные изделия представлены вполне репрезентативными коллекциями. Возможно, сыграли свою роль климатические изменения, происходившие в регионе в этот период. С начала IV в. (по другим данным, с середины III в.) в Северной Евразии начинается продолжительный период похолодания и пониженного увлажнения, продлившийся до начала VII в. В VII в. началось глобальное улучшение климатических условий, известное под названием малый оптимум голоцена (VII–XIII вв.) (Пискарева и др., 2019, с. 109). Эти климатические события как раз приходятся на мохэский и бохайский периоды в Приморье.

Низкая встречаемость костей лошади (как, в общем, и костей других животных) лишь отчасти может быть обусловлена недостаточной степенью изученности мохэских памятников. К настоящему времени исследовано порядка 30 мохэских памятников в разных районах Приморья и костных остатков на них обнаружено крайне мало. Могильник Чернятино 5, на котором раскопано 157 погребений (Чжун Сук-Бэ, Никитин, 2008) демонстрирует ту же картину. Из общего ряда мохэских памятников по наличию и сохранности костных остатков выбивается городище Синельниково 1. Археологические исследования объектов этого поселения позволили высказать предположение о его назначении – в мохэский период этот многослойный памятник выполнял функцию военного гарнизона (Пискарева и др. 2018, с.155). И, возможно, присутствие

здесь костей лошади связано именно с этим обстоятельством. В целом, скудный вещевой материал мохэских памятников Приморья не позволяет нам выяснить степень и уровень развития животноводства и, в частности, коневодства у мохэ. А вот отмеченная в летописных источниках значимость для их хозяйства свиней вполне согласуется с обнаруженными керамическими фигурками этих животных на мохэских памятниках Приморья и КНР (Абрамова З, Тунжэнь) (Пискарева, 2014).

В хозяйственной жизни бохайского населения лошадь ценилась очень высоко. Здесь информация из письменных источников находит подтверждение в археологических материалах и остеологических коллекциях из бохайских памятников Приморья. Отсутствие костей животного в погребениях лишь подчеркивает его значимость и ценность в быту. Возможно, в Бохае, как и в Тан, существовали законы, регламентировавшие отношение к таким животным как корова и лошадь, и предусматривающие наказания за нанесение им вреда (по: Стоякин, 2020, с. 81). Наборный пояс, который в эпоху раннего средневековья был характерным атрибутом воина-кочевника, в Бохае стал важным маркером социального и имущественного статуса. В погребениях членов королевского рода, бохайской аристократии, высокопоставленных чиновников, исследованных на могильниках Бохая в КНР обнаружены многочисленные элементы наременной гарнитуры, некоторые из которых представляют собой высокохудожественные образцы ювелирного искусства.

О роли коня в духовной культуре Бохая могут отчасти «рассказать» фигурки всадников. Они, вероятно, связаны с традиционными верованиями бохайского населения. На это указывает условная манера их изображения и зафиксированная иконография, которая делала образ узнаваемым. Очевидно, что при изготовлении этих изделий важны были не столько уровень мастерства человека, его эстетические представления, сколько следование установленным правилам, которые позволяли создать нужную форму, сохранявшую вложенный в эти изображения смысл, понятный носителям. Можно лишь догадываться, с какими представлениями связаны данные артефакты. Так, Ван Пэйсинь обратил внимание на практически полное отсутствие ног животных и высказал предполо-

жение, что кони они не имеют отношения к бегу по поверхности земли. Наездник, по его мнению, выступает в качестве шамана, а лошадь – его помощника в общении с духами (Ван Пэйсинь, 2002, с. 159). Контекст, в котором найдены некоторые изделия (могильники Янтунь, Чернятино 5), может указывать как на связь фигурок с представлениями о загробной жизни, так и маркировать общественное положение или род занятий погребенного. Но, стоит иметь в виду, что надежно датированные фигурки всадников относятся к раннему периоду Бохая. Бохайская администрация строила свою государственность ориентируясь, прежде всего, на нравы и обычаи танской империи. Этническое население, вошедшее в состав государства, было неоднородным. Консолидирующей идеологией нового государства стал буддизм. В таких условиях складывалось мировоззрение, оказавшее влияние на появление новых образов в искусстве и духовной культуре Бохая. Безусловно, народные представления и верования продолжали сохраняться среди рядового населения, о чем свидетельствуют обнаруженные на бохайских памятниках артефакты, но в них не нашли отражения особое отношение или почитание коня.

Чжурчжэни, оставившие свои памятники на территории Приморского края, были очень тесно связаны с кочевым миром, и процесс сложения их государственности проходил под влиянием киданей и их империи Ляо (Астащенко, Ивлиев, 2017), а впоследствии на них оказывали значительное давление монголы. В церемонии возведения на трон Агуды были задействованы земледельческие орудия, табуны лошадей и вооружение. Они символизировали самые важные сферы жизнедеятельности чжурчжэней, где рядом с земледелием, были коневодство и военное дело (Воробьев, 1983, с. 42). Возможно, длительное взаимодействие с кочевниками, важность коня в хозяйстве, быту и политической жизни, способствовали тому, что образ этого животного в искусстве и духовной культуре чжурчжэней представлен шире – он поддержан в элементах поясной гарнитуры и в предметах декоративно-прикладного искусства. Но, в первую очередь, обращают на себя внимание фигурки всадников, которые демонстрируют два иконографических типа. Изображения первого очень похожи на фигурки мохэ-бохайского

периода. Здесь, безусловно, нельзя говорить о прямой преемственности в силу значительного временного интервала, но можно предположить какую-то общую традицию, существующую в регионе со времен мохэ – общих предков основателей и Бохая, и чжурчжэньской империи. Стоит отметить, что и в средневековом Приамурье известны аналогичные фигурки, например, в погребении могильника Дубовое на р. Бира (приблизительно IX – X вв.) (Ван Пэйсинь, 2002, с. 147). В.Е. Медведев сообщает о бронзовом всаднике, обнаруженном у с. Сикачи-Алян в Хабаровском крае, и датирует его чжурчжэньским временем (XI–XII вв.) (Медведев, 1979, с. 209). Здесь же на скальных выходах правого берега р.Амур есть гравированные изображения коней с наездниками. А.П. Окладников полагал, что самые ранние из них были выполнены еще в период существования племен мохэ на территории Приамурья – IV–IX вв., а более поздние принадлежат периоду культуры амурских чжурчжэней – VII–XIII вв. (Окладников, 1971, с.124–130). Сукпайская писаница на юг Хабаровского края также содержит изображения наездников на лошадях, выполненных в условной манере, весьма близкой той, в которой изготовлены бронзовые фигурки (Дьяков, 1978; Шиповалов, 1999). Исследователи этого памятника связывают появление изображений с шаманским культом (Шиповалов, 1999, с. 200). Второй иконографический тип изображений всадников на конях представлен чугунными бляхами в т.н. «тюркской традиции», распространенной на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Стоит отметить, что он поддержан в графическом изображении, что, возможно, говорит о значимости связанных с ним представлений.

Выводы

В течение многих лет изучения мохэской культуры исследователи, опираясь преимущественно на летописные сведения, и привлекая материалы из одновременных памятников сопредельных территорий, уверенно делали выводы о том, что у мохэ коневодство имело «особенно большое значение» (Окладников, Деревянко, 1973, с.310). Однако совокупность всех имеющихся в настоящее время данных, показывает, что такие предположения пока не подтверждаются археологически. Очевидно, лошади были известны мохэ, но пока мы

не можем оценить их роль и значимость в комплексном хозяйстве мохэского населения.

Важное место, которое занимала лошадь в хозяйственной жизни бохайского населения не вызывает сомнений. И это проявилось в значительном количестве прямых и косвенных археологических данных, а также соотносится с письменными источниками. Но столь высокая роль, которую играло животное в быту и хозяйстве, не находит широкого отражения в декоративном и изобразительном искусстве бохайцев, в погребальном обряде, в изделиях, которые можно было бы соотнести с традиционными представлениями и верованиями. Очевидно, что буддизм, который существенно повлиял на формирование мировоззрения населения, привел к появлению новых образов и символов. В народном искусстве бохайцев, не связанном с официальной религиозной доктриной, среди зооморфных изображений конь встречается редко. Керамические скульптурки лошадей из бохайских жилищ, скорее имеют бытовое назначение. Для бохайского декоративно-прикладного искусства больше характерны растительные и геометрические формы, что, вероятно, является следствием влияния танской культуры. Фигурки всадников, которые часто приводят в качестве иллюстрации шаманских верований бохайцев, обнаружены пока только на раннебохайских памятниках или же в слоях археологических объектов, соотносимых с бохайским временем. И, вероятно связаны они с тем пластом культуры, который сформировался задолго до образования государства. Но, тем не менее, элементы наборного пояса и конской сбруи, и в бохайском обществе рассматривались как показатели положения и статуса их владельца.

Несмотря на объективные сложности со сбором археозоологических коллекций на памятниках Восточного Ся и незначительного пока количества их специального изучения, косвенные данные свидетельствуют о широком использовании лошади в быту и военном деле чжурчжэней. Культура их испытала существенное влияние кочевого мира, государственность сложилась довольно поздно. Вероятно, поэтому образ всадника, появившийся в регионе на рубеже VII–VIII вв., именно в искусстве чжурчжэней Приморья нач. XIII в. получил свое развитие, а изображения коня украшают элементы поясной гарнитуры и отдельные предметы быта. При этом стоит

отметить, что на таких популярных и распространенных в чжурчжэньской культуре изделиях, как бронзовые зеркала, брелоки-нэцке, держатели печатей он не нашел отражения.

Примечания:

¹ В настоящее время остеологическая коллекция городища Синельниково-1 (Октябрьский район Приморского края) готовится к публикации.

² На этом многослойном памятнике выделены погребения мохэ-бохайского времени (Ван Пэйсинь, 2002, с. 146).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Э.В., Беседнов Л.Н., Ивлиев А.Л. Хозяйство населения Майского городища (по остаткам животных) // Археология Северной Пацифики / Отв. ред. И.С. Жушиховская. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1996. С. 168–179.

Алексеева Э.В., Шавкунов Э.В. Дикие и домашние животные Шайгинского городища // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий / Отв. ред. В.Д. Ленков. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. С. 70–79.

Андреева Ж.В. Древнее Приморье (железный век). М.: Наука, 1970. 145 с.

Андреева Ж.В., Жушиховская И.С., Кононенко Н.А. Янковская культура. М.: Наука, 1986. 214 с.

Анзулис Я.Е. Новоселищенское городище: планировка и застройка мохэского города // Известия лаборатории древних технологий. 2022. №4. С. 46–68.

Асташенкова Е.В., Ивлиев А.Л. Археологические свидетельства киданьских традиций в культуре чжурчжэней // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 187–205.

Артемьева Н.Г. Новый чжурчжэньский могильник в Приморье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 5. С. 109–119.

Артемьева Н.Г. Шайгинское городище (фортификация, внутренняя топография, жилая архитектура). Т. I. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2021. 600 с.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Отчёт о полевых исследованиях на Краскинском могильнике в Хасанском районе Приморского края в 1993 году // Раскопки памятников бохайской культуры Приморья России. Сеул: Изд-во газеты «Чосон ильбо»: 251–333; 445–448.

Бохайские древности из Приморского края России / Ред.-сост. Сун Юйбинь, Ивлиев А.Л., Гельман Е.И. Пекин: Вэньу, 2013. 278 с.

Ван Пэйсинь. Бронзовые поясные украшения мохэ – чжурчжэней и связанные с ними вопросы // Археология и культурная антропология Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 140–163.

Васильева Т.А. Хозяйство населения Горнохуторского городища // Средневековые древности Приморья. Вып. 1 / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 49–60.

Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. - 1234 г.). М.: Наука, 1983. 368 с.

Гельман Е.И. Сельское хозяйство и промыслы в экономике Бохая (по материалам памятников Приморья) // Труды института истории, археологии и этнографии. 2018. Т. 20. С. 168–176.

Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России / Отв. ред. Шавкунов Э.В. М.: Наука, 1994. 219 с.

Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература, 2018. 367 с.

Гусева Л.Н. Конь в искусстве чжурчжэней Приморья // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР / Отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 120–126.

Дервянко А.П., Богданов Е.С., Нестеров С.П. Могильник Найфельд. Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 1999. 93 с.

Дервянко А.П., Медведев В.Е. К проблеме преобразования культур позднейшей фазы древности на юге Приморья (по материалам исследований поселения Булочка) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №3 (35). С. 14–35.

Дервянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 223 с.

Древности чжурчжэней из Приморского края России / Ред.-сост. Сун Юйбинь, Н.Г. Артемьева. Пекин: Вэньу, 2013. 258 с.

Дьяков В.И. Сукпайская писаница // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР / Ред. А.И. Крушанов Владивосток. 1978. С. 31-32.

Дьякова О.В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998. 318 с.

Ермаков В.Е. Отчет об археологических работах в Ханкайском районе Приморского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р. 1, № 15234, л. 72.

Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449–475.

Итоги исследований на городище Синельниково-1 в Российском Приморье. Тэджон: ИИАЭ ДВО РАН, Госуд. исслед. Ин-т культурного наследия Республики Корея, 2018. 393 с.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Наука, 2014. 351 с.

Леньков В.Д., Артемьева Н.Г. Лазовское городище. Владивосток: Дальнаука, 2003. 283 с.

Медведев В.Е. О некоторых находках чжурчжэньской культуры на Нижнем Амуре // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Погожева. Новосибирск: Наука, 1979. С. 207–215.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2003-2004 годах. Пу Е: Корейский национальный университет культурного наследия, 2005. 185 с.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино-2 в Приморье в 2007 году. Пу Е: Корейский национальный университет культурного наследия, 2008. 350 с.

Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье // АО – 1968 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. С. 208–210.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 334 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.

Омелько В.Е., Гельман Е.И., Гасилин В.В., Винокурова М.А. Дикие и домашние животные в жизнеобеспечении бохайского города Яньчжоу // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 161–174

Панасенко В.Е., Гельман Е.И. Роль млекопитающих (Mammalia) в системе жизнеобеспечения бохайского населения городища Горбатка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т.8. Вып. 3. С. 193–204.

Пискарева Я.Е. К вопросу о хронологии мохэских памятников Приморья // Мультидисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. Е.И. Гельман, Ю.Е. Вострецов. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. С. 80–91.

Пискарева Я.Е., Дорофеева Н.А., Гридасова И.В., Ключев Н.А., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., Слепцов И.Ю. Культурно-хронологические комплексы городища Синельниково-1 в Приморье в свете новейших исследований // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 139–160.

Пискарева Я.Е., Асташенкова Е.В., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., ч Ивлиев А.Л., Дорофеева Н.А., Лящевская М.С., Базарова В.Б., Пшеничникова Н.Ф. Комплексные исследования на Новоселищенском городище в Ханкайском районе Приморья // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 1. С. 88–114.

Прокопец С.Д., Болдин В.И., Чон Сонмок, Стоякин М.А., Чон Юнхи Археологические исследования на городище Николаевское 1 в российском Приморье. Тэджон: Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 2021. 375 с.

Семин П.Л., Коломиец С.А. Результаты исследования памятника Абрамовка-2 (Лузановский могильник) в Приморье // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.А. Лынша, В.Н. Тарасенко. Уссурийск: УГПИ, 2011. С. 244–252.

Стоякин М.А. Остатки животных с бохайских памятников в Китае: использование животных в повседневной жизни и погребальной практике // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 175–187.

Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука. 2012. 339 с.

Хорев В.А., Галактионов О.С. Изделия декоративно-прикладного искусства чжурчжэней (по материалам исследований Ананьевского городища в 2001-2002 гг.) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы Междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. эксп. РАН / Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 355–357.

Чжун Сук-Бэ, Никитин Ю.Г. Могильник Чернятино-5, его могилы и находки // Столетие великого АПЭ (к юбилею Алексея Павловича Окладникова) / Тихоокеанская археология. Вып. 16. / Ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: Дальневосточ. ун-т, 2008. С. 227–265.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 168 с.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1991. 283 с.

Шиповалов А.М. Наскальные изображения на р. Сукпай // Традиционная культура востока Азии. Вып. 2 / Отв. ред. Д.П. Болотин и А.П. Забияко Благовещенск: АмГУ, 1999. С. 194–200.

Tung-Ghing-Ch'eng. Report on the Excavation of the Site of the Capital of Po-hai // *Archeologia Orientalis*. ser. A.V. Tokio, 1939. (На англ. яз.)

河口与振兴: 牡丹江莲花水库发掘报告 (Хэкоу и Чжэньсин: Отчет о раскопках в районе водохранилища Ляньхуа в муниципалитете Муданьцзян провинции Хэйлунцзян) / 黑龙江省文物考古研究所, 吉林大学考古学系 (Институт культурных ценностей и археологии пров. Хэйлунцзян, Факультет археологии Цзилиньского университета (составители) // 北京: 科学出版社 = Пекин, Изд-во Кэсюэ. 2001. (На кит. яз.).

金太顺, 王祥滨, 王世杰. (Цзинь Тайшунь, Ван Сянбинь, Ван Шицзе). 黑龙江东宁县小地营遗址渤海房址 (Бохайские жилища в Сяодиин уезда Дуннин провинции Хэйлунцзян) // 考古 (Каогу). 2003. № 3. С. 38-47. (На кит. яз.).

杨秀全 (Ян Сюцюань). 林口县出土古代青铜骑马人物像.北方文物 = (Изображение бронзового всадника из уезда Линькоу // 北方文物 *Beifang Wenwu*. 1997. №4. с. 54. (На кит. яз.).

宁安虹鳟鱼场: 1992~1995年度渤海墓地考古发掘报告 / 黑龙江省文物考古研究所编著. -北京 (Нинъань хунцзуньюйчан: ицзюцзюэр – ицзюцзюу нянду бохай муди каогу фацзюэ баогао (Хунцзуньюйчан в Нинъани: отчет об археологических раскопках бохайского могильника в 1992 – 1995 годах) 文物出版社 (Пекин: изд-во «Вэньбу»). 2009. Т. 1, с. 1 – 543; Т. 2, с. 544 – 621 + 212 табл.илл. (На кит. языке).

阎景全. (Янь Цзинцюань) 黑龙江阿城市双城村金墓群出土文物整理报告1990年 第2期. 28-41页 (Хэйлунцзян ачэнши шуанчэнцунь цзинь муцюнь чуту вэньбу чжэнли баогао). Отчёт о систематизации предметов, найденных на цзиньском могильнике в деревне Шуанчэнцунь города Ачэн провинции Хэйлунцзян // 北方文物. Бэйфан вэньбу (Древности севера). 1990. № 2. С. 28–41.

Информация об авторах:

Анзулис Яна Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); 7yana7@mail.ru

Асташенкова Елена Валентиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); astashenkova@mail.ru

REFERENCES

Alekseeva, E. V., Besednov, L. N., Ivliev, A. L. 1996. In Zhushchikhovskaya, I. S. (ed.). *Arkheologiya Severnoy Pasifiki (Archaeology of the Northern Pacific)*. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far- Eastern Branch of the RAS, 168–179 (In Russian).

Alekseeva, E. V., Shavkunov, E. V. 1983. In Len'kov, V. D. (ed.). *Materialy po drevnei i srednevekovoi arkheologii iuga Dal'nego Vostoka SSSR i smezhnykh territorii (Materials on Ancient and Medieval Archaeology of the Southern Part of the USSR Far East and Adjacent Territories)*. Vladivostok: Far Eastern Scientific Center, Academy of Sciences of the USSR, 70–79 (in Russian).

Andreeva, Zh.V. 1970. *Drevnee Primor'e (zheleznyy vek) (Ancient Primorye (Iron Age))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Andreeva, Zh.V., Zhushchikhovskaya, I. S., Kononenko, N. A. 1986. *Yankovskaya kul'tura (Yankovskaya culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Anzulis, Ya. E. 2022. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii (Reports of the Laboratory of Ancient Technologies)* 4, 46–68 (in Russian).

Astashenkova E.V., Ivliev A.L. 2017. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 4, 87–205 (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2018. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya* (*Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology*) 17 (5), 109–119 (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2021. *Shayginskoe gorodishche (fortifikatsiya, vnutrennyaya topografiya, zhilaya arkhitektura)*. (*Shaiga hillfort (fortification, internal topography, residential architecture)*) I. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Boldin, V. I., Ivliev, A. L. 1994. In *Raskopki pamyatnikov bokhayskoy kul'tury Primor'ya Rossii* (*Excavations of monuments of the Bohai culture of Primorye Russia*). Seul: "CHoson il'bo" Publ., 251–333, 445–448 (in Russian and Korean).

Sung Yuibin, Ivliev, A. L., Gel'man, E. I. 2013. (eds.). *Bokhaiskie drevnosti iz Primorskogo kraia Rossii* (*Bohai antiquities from Primorsky Krai of Russia*). Beijing: "Venu" Publ. (in Russian, in Chinese).

Van Pejsin'. 2002. In Kradin, N. N. (ed.). *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka* (*Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East*). Vladivostok: "DVO RAN" Publ., 140–163 (in Russian).

Vasil'eva, T. A. 2012. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia* (*Medieval Antiquities of Primorye*) 4. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 49–60 (in Russian).

Vorob'ev, M. V. 1983 *Kul'tura chzhurchzheney i gosudarstva Tszin' (X v. - 1234 g.)* (*Culture of the Jurchens and the Jin State (X century - 1234)*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gel'man E.I. 2018. In *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN* (*Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*) 20, 168–176 (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1994. (ed.). *Gosudarstvo Bokhai (698–926 gg.) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii* (*Bohai State (698–926) and the Tribes of the Russian Far East.*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kradin, N. N. (ed.). 2018. *Goroda srednevekovykh imperiy Dal'nego Vostoka* (*Towns of the Medieval Empires of the Far East*). Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Guseva, L.N. 1989. In Shavkunov, E. V. (ed.). *Novye materialy po srednevekovoy arkheologii Dal'nego Vostoka SSSR* (*New materials on medieval archaeology of the Far East of the USSR*). Vladivostok: Far Eastern Branch of Academy of Sciences of the USSR, 120–126 (in Russian).

Derevyanko, A. P., Bogdanov, E. S., Nesterov, S. P. 1999. *Mogil'nik Naifel'd* (*Nayfeld Burial Ground*). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Derevyanko A.P., Medvedev V.E. 2008. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* (*Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*) 35 (3), 14–35 (in Russian).

Derevyanko, E. I. 1977. *Troitskiy mogil'nik* (*Troitsky burial ground*). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sun, Yuibin', Artem'eva, N. G. 2013. *Drevnosti chzhurchzheney iz Primorskogo kraia Rossii* (*Antiquities of the Jurchen People from Primorsky Krai of Russia*). Pekin, "Ven'u" Publ. (in Russian).

D'yakov, V. I. 1978. In Krushanov, A. I. (ed.). *Arkheologicheskie materialy po drevney istorii Dal'nego Vostoka SSSR* (*Archaeological materials on the ancient history of the Far East of the USSR*). Vladivostok: Far East Scientific Center, 31–32 (in Russian).

D'yakova, O. V. 1998. *Mokheskie pamyatniki Primor'ya* (*Mohe sites of Primorye*). Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (In Russian).

Ermakov, V. E. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Khankayskom rayone Primorskogo kraia v 1989 g.* (*Report on archaeological works in the Khanka district of the Primorsky Krai in 1989*). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-2, no 15234 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2005. In Andreeva, Zh. V. (ed.). *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy* (*The Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Issues, Hypotheses*). Vladivostok: "Dalnauka" Publ., 449–475 (in Russian).

2018. *Itogi issledovaniy na gorodishche Sinel'nikovo-I v Rossiyskom Primor'e* (*Results of Studies at Sinel'nikovo-I Hillfort in Russian Primorye*). Tedzhon: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, National Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Russian).

Kradin, N. N., Ivliev, A. L. 2014. *Istoriya kidan'skoy imperii Lyao (907–1125) (History of the Khitan Empire of Liao (907–1125))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Len'kov, V. D., Artem'eva, N. G. 2003. *Lazovskoe gorodishhe (Lazovskoye hillfort)*. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ. (in Russian).

Medvedev, V. E. 1979. In Pogosheva, A. P. (ed.). *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka (Recent studies in the Archaeology of Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 207–215 (in Russian).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh. 2005. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 5 v Primor'e v 2003–2004 godu (Archaeological Studies at Chernyatino 5 Burial Ground in Primorye in 2003–2004)*. Pu E: Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh. 2008. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 2 v Primor'e v 2007 godu (Archaeological Studies at Chernyatino 2 Burial Ground in Primorye in 2007)*. Pu E: Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Okladnikov, A. P., Brodyanskii, D. L. 1969. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1968 goda (Archaeological Discoveries of 1968)*. Moscow: “Nauka” Publ., 208–210 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1971. *Petroglify Nizhnego Amura (Lower Amur petroglyphs)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Okladnikov, A. P., Derevyanko, A. P. 1973. *Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya (The remote past of Primorye and Amur region)*. Vladivostok: “Dal'nevost. kn. izd-vo” Publ. (in Russian).

Omel'ko, V. E., Gelman, E. I., Gasilin, V. V. 2020. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 4, 161–174 (in Russian).

Panasenko, V. E., Gelman, E. I. 2009. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 8 (3), 193–204 (in Russian).

Piskareva, Ya. E. 2014. In Gelman, E. I., Vostretsov, Yu. E. (eds.). *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii (Multidisciplinary Research in Archaeology)*. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ., 80–91 (in Russian).

Piskareva, Ya. E., Dorofeeva, N. A., Gridasova, I. V., Klyuev, N. A., Prokopets, S. D., Sergusheva, E. A., Slep'tsov, I. Yu. 2018. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 4, 139–160 (in Russian).

Piskareva, Ya. E., Astashenkova, E. V., Prokopets, S. D., Sergusheva, E. A., Ivliev, A. L., Dorofeeva, N. A., Lyashchevskaya, M. S., Bazarova, V. B., Pshenichnikova, N. F. 2019. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii (Multidisciplinary Research in Archaeology)* 1, 88–114 (in Russian).

Prokopets, S. D., Boldin, V. I., Chon Sonmok, Stoyakin, M. A., Chon Yunhi 2021. *Arkheologicheskie issledovaniya na gorodishche Nikolaevskoe I v rossiyskom Primor'e (Archaeological studies on the Nikolaevka I hillfort in Russian Primorye)*. Tedzhon: State Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Korean and Russian).

Semin, P. L., Kolomiets, S. A. 2011. In Lynsha, V. A., Tarasenko, V. N. (eds.). In *Aktual'nye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka (Current problems of archaeology of Siberia and the Far East)*. Ussuriysk: Ussuriysk State Pedagogical Institute, 244–252 (in Russian).

Stoyakin, M. A. 2020. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 4, 175–187 (in Russian).

Khorev, V. A. 2012. *Anan'evskoe gorodishhe (Ananyevskoye Settlement)*. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ. (in Russian).

Khorev, V. A., Galaktionov, O. S. 2003. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii i paleoekologii Severnoy, Vostochnoy i Tsentral'noy Azii (Issues of archaeology and paleoecology of Northern, Eastern and Central Asia)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 355–357 (in Russian)

Jung Suk-Bae, Nikitin, Yu. G. 2008. In Brodyansky, D. L. (ed.). *Stoletie velikogo A.P. (k iubileiu Alekseia Pavlovicha Okladnikova) (100th Anniversary of the Great A.P. (Dedicated to the Anniversary of Aleksey Pavlovich Okladnikov))*. Series: Tikhookeanskaia arkheologiya (Pacific Archaeology) 16. Vladivostok: Far Eastern University, 227–265 (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1968. *Gosudarstvo Bokhai i pamiatniki ego kul'tury v Primor'e (Bohai State and the Monuments of its Culture in Primorye)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1991. *Kul'tura chzhurchzheney-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka (Culture of the Jurchen-Udige in the 12th–13th cc, and the Issues of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Shipovalov A. M. 1999. In Bolotin, D. P., Zabiiako, A. P. (eds.). *Traditsionnaya kultura Vostoka Azii (Traditional Culture of the East of Asia) 2*. Blagoveshchensk: Amur State University, 194–200 (in Russian).

Tung-Ghing-Ch'eng. Report on the Excavation of the Site of the Capital of Po-hai. 1939. In *Archeologia Orientalis*. ser. A.V. Tokio.

Hekou yu zhenxing: mudanjiang lianhuashuiku fajue baogao (Hekou and Zhenxing: Report on excavation of Lianhua water reservoir area in Mudanjiang Municipality) / Institute of cultural relics and archaeology of Heilongjiang Province, Faculty of Archaeology of Jilin University. Beijing: Kexue publ. 2001 (in Chinese).

Jin Taishun, Wang Xiangbin, Wang Shijie. 2003. In *Kaogu (Archeology)* 3, 38–47 (in Chinese).

Yang Xiuquan. 1997. In *Beifang Wenwu*. №4. 54 (in Chinese).

Ning'an hongzunyuchang: yijujuer – yijujuu niandu bohui mudu kaogu fajue baogao (Hongzunyuchang in Ning'an: report on the archaeological excavations of the Bohai burial ground in 1992–1995). 2009. Compiled by: Institute of Archeology of Heilongjiang Province. Vol. 1, 1–543; Vol. 2, 544–621 + 212 tab.ill. (in Chinese). Beijing: Wenwu Publishing House (in Chinese).

Yan Jingquan. 1990. In *Beifang Wenwu* 2, 28–41 (in Chinese).

About the Authors:

Anzulis Yana E., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the RAS. Pushkinskaya, Str., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; 7yana7@mail.ru

Astashenkova Elena V., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the RAS. Pushkinskaya, Str., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; astashenkova@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу